

УДК 947.07

Л.М. Артамонова*

ЗАКОН БОЖИЙ В ШКОЛАХ РОССИИ И ПОВОЛЖЬЯ ПРИ АЛЕКСАНДРЕ I**

В статье анализируется расширение участия священнослужителей в школьном деле при Александре I, меры по расширению и обеспечению преподавания предметов религиозного содержания в школах в начале XIX века.

Ключевые слова: Россия в первой четверти XIX в., история культуры, народное образование, Казанский учебный округ, Русская православная церковь, религиозное воспитание школьников.

В современной России важную общественную значимость приобретают вопросы духовно-нравственного воспитания. Их обсуждение зачастую ведется в форме острой полемики. Представляется полезным обратиться к опыту прошлого, в том числе к тем периодам истории страны, когда подготовка и проведение реформ в области народного просвещения вызывали не меньший интерес.

В исторической науке недостаточно изучена роль, которую играло духовенство в истории общеобразовательных школ дореволюционной России. Недостаточно точно определено место, которое занимало в школах изучение основ православного вероучения. Этим темам посвящена данная статья, которая рассматривает учебные заведения государственной системы народного образования, не учитывая из-за недостатка объема училищ, которые в нее не входили (церковным, ведомственным, сословным, частным и т. п.).

В литературе уже обращалось внимание на ограниченную роль православного русского духовенства в осуществлении первой общегосударственной реформы народного образования, проведенной при Екатерине II в 1780-е гг. Оно не было привлечено к преподаванию в новых общеобразовательных школах и участию в ее деятельности. Даже уроки Закона Божьего вели светские учителя. Светскими же людьми были написаны и соответствующие учебники. Сведения о единственном в конце XVIII в. духовном лице, работавшем преподавателем государственной школы, которые нам удалось встретить, относятся к Тобольскому главному народному училищу, где священник И. Гиганов был учителем татарского языка [6, с. 229–230].

При этом сама Екатерина II и ее сотрудники в деле народного просвещения вовсе не испытывали какого-либо негативного отношения к православной церкви и, более того, всячески заботились о религиозном воспитании учащихся. По мнению Д.А. Толстого, дело было в том, что само русское «духовенство апатично бездействовало» тогда в деле народного образования [12, с. 104].

---

* © Артамонова Л.М., 2013

Артамонова Людмила Михайловна (artamonovoi@mail.ru), кафедра истории Отечества Самарской государственной академии культуры и искусств, 443010, Российская Федерация, г. Самара, ул. Фрунзе, 167.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 ««Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

С.В. Рождественский был согласен, что инициаторы и проводники школьной реформы в России ограничили роль духовенства в народных училищах вовсе не по принципиальным мотивам. Однако он не полагал тому причиной бездействие церкви и ее служителей. В учебный процесс священники не были вовлечены, как считал историк, в целях соблюдения новой классно-урочной методики, которой они не владели. Заведование же училищами не могло быть поручено им, поскольку Учреждение о губерниях 1775 года не предусматривало никакого участия духовного сословия в местном управлении и самоуправлении [7, с. 594–595]. Власти не видели причин делать исключения из этого правила для лиц духовного звания и в области школьного строительства.

Согласно Уставу народных училищ 1786 года, предметы, направленные на духовное воспитание и религиозное образование учащихся, преподавались в начальной двухклассной общеобразовательной школе (малом народном училище) и соответствующих им двух младших классах средней школы (главного народного училища). В первом классе предписывалось обучать «основаниям Христианского закона и добронравию», а по мере усвоения навыков грамоты «читать Сокращенный Катихизис и Священную Историю» (§ 2). Во втором классе следовало, «наблюдая те же предметы Христианского закона и добронравия, начинать читать Пространный Катихизис без доказательств из Священного Писания», а также повторять Священную историю (§ 4) [13].

Более глубоко основы вероучения постигались в третьем классе, который имелся только в главных народных училищах. Пространный Катихизис здесь повторялся уже «с доказательствами из Священного Писания», а также предусматривалось «чтение Изъяснений Евангелий» (§ 6). В программу завершающего четвертого класса, рассчитанную на двухлетнее обучение, предметы духовно-религиозного содержания не были включены (§ 8).

В начальных классах занятия по этим предметам проводили те же учителя, что вели остальные дисциплины (чтение, письмо, счет и т. д.). На каждый начальный класс полагался собственный учитель, но если учеников было мало, то один человек вел занятия в обоих классах малого народного училища (§ 26). В третьем классе главного народного училища специального преподавателя по «изъяснению Евангелия и Пространному Катихизису» также не предусматривалось, и эти предметы продолжал вести учитель второго класса (§ 20).

Сложившаяся при Екатерине II практика не привлекать священников в качестве учителей казенных училищ и не выделять время на предметы духовно-религиозного содержания в старших классах средней школы в определенной мере еще сохранялась в начале царствования Александра I. Однако эта практика начала постепенно изменяться в ходе новой реформы образования.

Согласно Предварительным правилам народного просвещения 1803 года, система образовательных ступеней включала элементарную школу (приходское училище), начальную (уездное училище) и среднюю (гимназию). В приходских училищах один учитель обучал детей всем предметам, а также наставлял их «в главных началах Закона Божия, в благонравии, в обязанностях Государю, начальству и ближнему» (ст. 32). Однако утверждалось, что «весьма полезно было, если б приходские священники и церковнослужители сами исправляли должность учителей», которая весьма соответствует «их званию», а для того следовало привлечь к школьному делу Святейший Синод (ст. 33). В перечне предметов уездных училищ порядок преподавания тех, которые относились к основам вероучения, не уточнялся (ст. 34). В отношении гимназий имелось не совсем ясное указание на то, что сверх основных предметов там «будут читаны и переводимы сочинения, служащие к образованию сердца и подаю-

щие чистое понятие о Законе Божием и гражданских обязанностях» (ст. 35) [8, стб. 13–21].

Вслед за Предварительными правилами были принят в 1804 г. новый школьный устав. Он внес определенные уточнения и дополнения в рассматриваемый вопрос. В приходских училищах обучение «главным началам Закона Божия и нравоучения» заключалось в том, что ежедневно в обычные дни один из уроков посвящался попеременно Сокращенному Катихизису или Священной Истории (ст. 128). В воскресные и праздничные дни в училищах проводился только один урок и обязательно по одному из этих двух предметов (ст. 130). Устанавливалось, что приходские училища, если они не расположены на территории крепостных помещичьих вотчин, «вверяются приходскому священнику и одному из почетнейших жителей» (ст. 118) [8, стб. 301–339].

Схожий набор предметов религиозного плана, а именно Закон Божий и Священная История, сохранялся в первом классе уездного училища (ст. 85). Однако там не было занятий в воскресные и праздничные дни (ст. 91), а на дисциплины духовно-нравственного содержания отводилось 4 часа в неделю (ст. 96). Занятия по этим предметам поручались одному из учителей, а именно тому, который вел в училище также грамматику, чистописание, правила слога, латинский и немецкий языки (ст. 86). Тот же учитель во втором классе уездного училища преподавал 3 часа в неделю Пространный Катихизис и Изъяснение Евангелий (ст. 96).

В самом Уставе 1804 года ничего не было сказано об участии собственно священнослужителей в преподавании вероучения и других предметов в приходских училищах. Видимо, за короткое время между выходом Предварительных правил и изданием Устава этот вопрос не успели согласовать со Святейшим Синодом. Итоги этого согласования были подведены в Сенатском указе от 31 января 1805 г. «Об учреждении сельских приходских училищ и о преподавании в оных учения священно- и церковнослужителями» [8, стб. 353–357].

По сути это был первый со времени создания государственной системы учебных заведений при Екатерине II закон не только допускавший, но даже приветствовавший работу священника в общеобразовательной школе в качестве учителя. Своеобразным дополнением к нему можно рассматривать решение Комитета Министров от 15 января 1816 г. «О наградах для благодетелей училищ», где отдельным пунктом рассматривались «пожертвования духовных особ... дабы таковые благонамеренные духовные особы награждены были Высочайше установленными для белого духовенства знаками отличия» [8, стб. 784].

Хотя к открытию сельских приходских училищ призывались представители разных сословий, но практически это дело сдвинулось с места именно усилиями духовенства. Так, к 1812 г. во всей Казанской губернии имелось всего два таких училища, оба они были в 1806–1807 гг. открыты местными священниками и помещались в домах, подаренных ими же. Сами устроители училищ, протопоп с Ягодного Казанского уезда Иоанн Бельский и священник с. Буртасы Цивильского уезда Николай Михеев, являлись в них смотрителями (заведующими). — Л.А.). Учителями в Ягодном работали «дьякон и дьячек того села», которые вели занятия по Закону Божию, Священной Истории, чтению, письму и арифметике [4, л. 26 об.—27].

Все же надежды на широкое распространение начальных сельских школ в царствование Александра I не оправдались. Время их массового учреждения пришлось на следующее царствование [5, с. 109–111].

Правительство и Министерство народного просвещения поддержали частное домашнее обучение детей священниками, предоставив им определенные льготы по сравнению с другими частными учителями. Министерство разослало 13 мая 1814 г. всем

учебным округам и губернским дирекциям училищ «Циркулярное предложение относительно священно- и церковнослужителей, занимающихся частным обучением чтению и письму». Училищному начальству на местах было предписано не требовать от священников и церковников, если те учат «детей прихожан своих Российскому чтению и письму, также нравоучению и христианскому закону», соблюдения довольно жестких правил, «какие существуют для содержателей пансионов и других домашних сего рода училищ» [10, стб. 239]. Также эти лица духовного звания освобождались от уплаты в казну пятипроцентного сбора с полученных за обучение денег, какой платили содержатели других частных школ. Позднее нормы этого циркуляра подтвердило новое «Циркулярное предложение о дозволении священно- и церковнослужителям обучать детей прихожан своих грамоте и Закону Божию» от 4 июня 1830 г. [10, стб. 734–735].

В учебном плане гимназий предметы духовно-религиозного содержания Уставом 1804 года по-прежнему не предусматривались, несмотря на намерения их ввести, отраженные в Предварительных правилах, о чем уже сказано выше, и в некоторых других законодательных актах. Например, в высочайше утвержденном 21 марта 1805 г. «Плане военного воспитания» говорилось, что воспитанники военных училищ обучаются общеобразовательным предметам в гимназиях, причем «предполагается также, что в гимназиях сии воспитанники наставлены будут и в Законе Божиим» [9, стб. 35].

Хотя намерения распространить религиозное образование за рамки начальной школы до поры до времени в общегосударственном масштабе не реализовывались, но они реально воплощались в решениях по некоторым учебным заведениям, обладавшим особым статусом по сравнению с обычными губернскими гимназиями. Так, 12 марта 1804 г. был высочайше утвержден план устройства Московского коммерческого училища. Несмотря на то что сюда принимались дети, уже обладавшие начальной подготовкой и не моложе 10 лет, во всех четырех классах обучения, соответствующих уровню среднего образования, предусматривались предметы религиозно-нравственного содержания. В первом классе — «Познание веры», во втором — «Закон веры и краткие правила нравоучения», в третьем — «Изъяснение евангелий и апостола, также должностей человека к Богу, самому себе и ближним», в четвертом — «Закон Божий и всеобщая мораль». Для ведения перечисленных занятий по штату особый учитель «Закону Божию и нравоучению», хотя и не уточнялось, будет ли тот духовным или светским лицом [9, стб. 13, 15–16, 21].

Более определенно последний вопрос решало Постановление о Царскосельском лицее от 12 августа 1810 г. Как и в предыдущем случае, возраст (от 10 до 12 лет) и уровень подготовки принимавшихся сюда воспитанников выходили за рамки начальной школы. Тем не менее среди предметов первых трех лет обучения были определены «Первоначальные основания Закона Божия», предусматривавшие изучение Пространного Катихизиса и Библейской Истории. Эти занятия должен был вести особый преподаватель, обязательно «из священнослужителей» [8, стб. 557–558, 560, 564, 570].

В 1810-е гг. тенденция к возрастанию роли и расширению сферы религиозного обучения усилилась. В 1811 г. обер-прокурор Синода А.Н. Голицын и митрополит Амвросий во время личной встречи подняли вопрос «о том, что по сие время не вошло в употребление в училищных местах Военного и Гражданского ведомства экзаменовывать воспитанников в Законе Божиим». Результатом стало высочайшее повеление, объявленное в Указе Святейшего Синода от 16 ноября 1811 г. Теперь устанавливалось «при ежегодных публичных испытаниях всегда начинать экзамен с сего предмета, яко заключающего в себе главную и существенную цель образования», а на экзамен приглашать «почетное духовенство, а где существует архиерейская кафедра, то и архиереев». Присутствующие на экзамене духовные лица должны были оцени-

вать не только знания учеников, но и работу преподавателя, вносить в нее необходимые исправления и «на будущее время делать им подробные наставления» [8, стб. 689–690].

Данное повеление оказало гораздо более сильное влияние, нежели предусматривал сам Указ об экзамене. Здесь содержалось принципиальное указание, «чтобы отныне навсегда постановлено было коренным и неизменяемым правилом во всех учебных заведениях... обучать Закону Божию», которое однозначно открывало для этого предмета двери гимназий. Не случайно, что о данном повелении руководство учебных округов и губернские дирекции училищ были оповещены еще до издания указа Святейшего Синода, поскольку обер-прокурор А.Н. Голицын поставил в известность об этом министра просвещения А.К. Разумовского еще в сентябре 1811 г. [3, л. 1].

В целом гимназическое начальство приветствовало нововведения. Так, на предписания, содержавшие текст вышеупомянутого повеления, последовали отзывы от директоров Пензенской и Нижегородской гимназий «одинакового содержания, состоящие в том, что как в гимназиях не положено обучению закону Божию, а назначено обучать оному в уездных училищах, и ученики, поступающие из оных в гимназии, хотя и получают начальные познания христианского закона, но или не будучи утверждены в правилах оного надлежащим образом, или по малолетству забывают оные, по их замечанию, пробыв в гимназии два или три года: по сему самому почитают они не только полезным, но и нужным, чтобы ученики гимназий утверждаемы были между прочими науками и в сем важном предмете» [10, стб. 209–210].

Это предложение поддержал Училищный комитет Казанского университета и попечитель Казанского учебного округа. В этот округ тогда входили губернии Поволжья, Урала, Сибири, Кавказа [8, стб. 22, 982–983, 1600]. Попечитель предложил отвести в гимназиях на наставление «в Законе Божию» от 4 до 6 часов в неделю и возложить данную учебную нагрузку на наставников, которые уже работали законоучителями уездных училищ в губернских городах. За дополнительный труд им назначалось по 100 руб. в год из средств Приказов общественного призрения — органов, которые ведали в губернии делами народного образования, здравоохранения, социальной защиты [11, с. 292], поскольку денег «в штате гимназий на сие ничего не положено» [10, стб. 211]. С данным предложением 27 января 1812 г. согласился и министр народного просвещения.

Расширение толкования высочайшего повеления на этом не закончилось. В марте 1812 г. гимназии тех городов, где они уже были созданы по Уставу 1804 года, и главные народные училища там, где они продолжали действовать в рамках Устава 1786 года, получили указания от училищных комитетов своих округов и университетов с принципиальным добавлением к этому повелению «относительно того, чтобы для преподавания Закона Божия юношеству, учащемуся как в гимназиях, так и в уездных училищах, директоры училищ приглашали достойных наставников из духовных лиц по одобрению духовного начальства». Впервые преподаватели из священников должны были появиться в российской общеобразовательной школе на более высоких уровнях, нежели приходское училище. О новизне этого говорит, например, директор Симбирской гимназии, сообщая о том, что «в Симбирске при училищах до сего времени из духовных особ для преподавания Закона Божия никого не имелось», однако «с сего времени непременно исполнение учинено быть имеет» [2, л. 11, 13].

21 октября 1814 г. было отдано распоряжение «О том, чтобы на аттестатах, выдаваемых ученикам гимназий и уездных училищ, законоучители подписывались выше других учителей». Распоряжение разъясняло, что оспаривать их «первенство и неприлично, и служит худым примером воспитанникам», и предупреждало, «дабы впредь никто не осмелился не оказывать духовному сану должного уважения» в учебных

заведениях [10, стб. 258]. 2 декабря 1816 г. последовала высочайшая резолюция на доклад «О дозволении Министерству просвещения представлять к наградам духовных, состоящих в звании законоучителей» в учебных заведениях [8, стб. 823].

Внимание властей к духовному образованию еще более было подчеркнуто Манифестом от 24 октября 1817 г., которым, «дабы Христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения», учреждалось объединенное Министерство духовных дел и народного просвещения во главе с обер-прокурором Священного Синода князем А.Н. Голицыным [8, стб. 971].

Активность нового министерства в деле религиозного обучения иногда отличалась торопливостью, приводившей к запутанным ситуациям. Так, министерское «Циркулярное предложение о введении по всем училищам чтения Нового Завета» от 7 февраля 1819 г. [10, стб. 346] появилось, когда занятия в гимназиях по Закону Божьему еще не были закреплены до конца ни законодательно, ни организационно, ни методически, ни финансово. 24 апреля последовало определение Главного правления училищ, поясняющее, что эти чтения проводятся сверх уроков Закона Божьего до начала классных занятий в воскресные и праздничные дни [10, стб. 378–381]. Вопреки этому пояснению, 5 июня новое «Циркулярное предложение о предметах преподавания в гимназиях, уездных и приходских училищах» объявило занятия с книгой под названием «Чтения из Евангелистов», выпущенной в качестве учебника массовым тиражом, обязательными для внесения в расписание всех училищ и гимназий [10, стб. 385–389].

В гимназиях восприняли введение нового обязательного предмета как окончательное разъяснение, каким образом и на каком основании должны проводиться уроки Закона Божьего. Однако очередное «Циркулярное предложение по предмету преподавания Закона Божия в гимназиях» от 13 августа 1819 г. строго указало, что часы на чтение Священного Писания отводятся отдельно, тем самым еще более затемнив организационно-методическую и финансовую сторону вопроса [10, стб. 395–396].

В этом августовском циркуляре отдавались следующие распоряжения:

- назначить «особенные часы» для Закона Божия в расписании;
- сделать его преподавание в средних учебных заведениях «несколько пространнее», чем в начальных, чтобы оно соответствовало «самой степени помянутых заведений», возрасту учащихся и уже «приобретенным ими знаниям»;
- разрешить привлечь к этим занятиям лиц духовного звания по согласованию с епархиальным начальством, «а жалованье производить им из остаточных или экономических училищных сумм» [1, л. 1 и об.].

Во исполнение министерского распоряжения попечитель Казанского учебного округа М. Магницкий довел эти предложения до сведения Совета Казанского университета. Он также потребовал отчета «об исполнении сего предписания как вообще, так и по каждой гимназии отдельно» [1, л. 3 об.].

Директор Казанского университета А.П. Владимирский в представлении попечителю учебного округа 4 декабря 1821 г. указывал, что когда распоряжением министра народного просвещения в 1812 г. «преподавание Закона Божия в губернских гимназиях получило начало свое», то методическая основа занятий, которые проводились вне норм Устава 1804 года, не была точно определена. В результате Пространный Катихизис, предназначенный Уставом для уездных училищ, попал «в губернские гимназии, и преемственно обращается донныне, как повторение того, что было преподано в уездных училищах» [1, л. 8, 9].

Среди основных затруднений Владимирский отметил то, что в полученных указаниях «нет ничего положительного, в чем должно состоять существо вероучения в гимназиях». Он же обратил внимание на то, что законоучители не получают достой-

ного вознаграждения за труд, процитировав Евангелие (Лука. X. 7): «Между тем и то истинно делатель достоин мзды своея» [1, л. 9 и об.].

Сам Владимирский полагал, что вопросы методического плана не играют главной роли при усвоении основ вероучения. На предложения дирекций училищ из различных губерний о введении в качестве учебника для гимназий «Богословия» митрополита Платона он ответил словами самого этого святителя из его «Наставления» о преподавании в семинарии: «Разные системы Богословские, ныне в школах преподаваемые, признаются быть ненужными: ибо пахнут школою и мудрованием человеческим. А богословие Христово, по Павлову учению, состоит не в препретельных словах и не мудрости человеческой, но в явлении духа и силы» [1, л. 10].

Директор Казанского университета в итоге отдал предпочтение в качестве учебника проверенному за 38 лет употребления в школах Пространному Катихизису [1, л. 29 об.]. В этом с ним был согласен бывший директор училищ Иркутской губернии, который «не находил никакой надобности расширять и увеличивать способы, прежде начальством введенные к наставлению в Законе Божиим». Он приписывал «Пространному Катихизису самому по себе полноту христианского учения для юношества» [1, л. 8 об.].

Гораздо важнее, считал Владимирский и многие его коллеги, было привлечь к преподаванию Закона Божия в гимназиях самых достойных учителей из духовенства. В представлении попечителю учебного округа он просил «разрешения оценить и труд, и достоинства наставников в Законе Божиим, имеющих принять на себя образ, верным не одним уже словом, но и ... жизнью назидательною, или, так сказать, водителею». «Образованность ученая», особенно если при этом будет «нравственность отрицательная», не должна составлять «полноту характеристики законоучителя», а потому «потребны будут духовные люди по званию и по превосходству». Здесь директор университета вновь процитировал слова Евангелия о делателях, достойных «мзды своея» [1, л. 30 и об.].

Увеличение содержания законоучителей важно не само по себе, доказывал Владимирский, а необходимо для более тесной связи их с учебными заведениями, где они должны стать священниками и духовниками, отправляя как молитвословия в здании гимназии, так и служа литургии для учеников в ближайшей церкви. Одновременно они должны иметь для занятий в классах не менее 12 часов в неделю. Уроки духовного воспитания священник должен был, по мнению директора университета, продолжать и во внеурочное время, например, посещая «с избраннейшими учениками места общественного призрения, недужных и увечных, места заключения, частную нищету, беспомощных больных — принося всюду христианское утешение в слове и деле». Исходя из всего этого, следовал вывод, что «законоучители гимназии и уездного училища по возлагаемым на них обязанностям должны быть свободны от занятий приходского священника». Однако тогда становилось невозможным «содержать себя Законоучителем на одном жалованье от заведений», которое составляет в Гимназиях 100 рублей, а в уездных училищах — от 75 до 100 рублей в год. Несоответствие установленного законоучителям жалованья с реальными их нуждами объяснялось тем, что по букве ст. 128 Устава 1804 года «преподавать наставление в Законе Божиим» поручалось «обычным учителям». Следовательно, «сие крайне недостаточное жалование полагалось прибавлением к главному жалованью» учителя уездного училища. «Равным образом и в гимназиях, — отмечал Владимирский, — предоставление законоучителям скудного содержания зависит от того же, что занимают должность сию духовные лица, имеющие положительное содержание от приходов или мест духовного ведомства». До тех пор пока такое положение не изменится, «вероучение в средних и низших заведениях» по-прежнему будет считаться «предметом побочным и

легким», хотя «он должен быть сам по себе и по видам правительства главным и труднейшим» [1, л. 31 об.].

В июле 1822 г. попечитель Казанского округа на основании вышеизложенного представления директора университета, где были учтены также мнения Совета университета и губернских дирекций училищ, вышел с ходатайством «о приумножении жалования законоучителям и об уравнивании их в том с учителями других высших предметов». А.Н. Голицын в августе 1822 г. обещал рассмотреть данное ходатайство, однако не в рамках одного учебного округа, а по всему своему ведомству, при этом потребовав, независимо от решения данного вопроса, определить преподавателей Закона Божьего в те учебные заведения, в которых их еще не было [1, л. 81 и об.].

Вопрос о переходе священников-законоучителей на постоянную работу в гимназии и уездные училища, а также, соответственно, об уравнивании их в окладе жалования со штатными учителями других предметов так и не был решен А.Н. Голицыным положительно. Одной из причин стала отставка его с поста министра в 1824 г., что также привело к разделению его ведомства, из которого вновь было выделено самостоятельное Министерство народного просвещения.

Практическая работа по духовному воспитанию и религиозному образованию в гимназиях и других училищах велась в рамках прежних уставов, штатов и окладов. О реальной ситуации на местах свидетельствовало донесение из Симбирской гимназии от 20 сентября 1819 г. В нем сообщалось, что изучение Закона Божьего, предписанное августовским циркуляром 1819 г., «в гимназии имеет быть введено немедленно». Было решено, что «по средам и субботам 11 и 12 часы по утру назначены будут на преподавание Закона Божия совокупно всем ученикам гимназии, а по вторникам и четвергам 5 и 6 часов пополудни, как и ныне сие производится, на чтение из Священного Писания и из Евангелистов». Законоучитель гимназии священник Архангельский избрал в качестве учебного пособия «Скрижали Завета, изъясняющие существенную силу всего Священного Писания», а сверх того руководствовался упомянутым «Богословием» Платона. Поскольку «законоучителю гимназии в прохождении своей должности прибавлены против прежнего часы», то прозвучала, как и в других сообщениях с мест, просьба «о производстве ему жалования по триста рублей в год». Эта просьба симбирской дирекцией была переадресована Совету Казанского университета, а от него — попечителю учебного округа за неимением средств в гимназии, где такие расходы не были предусмотрены [1, л. 65 и об.].

Следует указать, что изучение основ православного вероучения, равно как и обязанности соблюдать православные обряды, распространялось только на православных учеников. В предложениях по улучшению деятельности Главного правления училищ, высказанных новым министром народного просвещения А.С. Шишковым, который занял этот пост в 1824 г., было оговорено: «Греко-Католик, Римско-Католик и Лютеранин должны быть воспитаны, первый — в твердом и незыблемом православии, а второй и третий — во всей точности положительного исповедания своей веры» [10, стб. 535].

Это относилось не только к христианам. В «Высочайше утвержденном Положении для евреев» 1805 года в разделе «О просвещении» было установлено, что, во-первых, «все дети евреев могут быть принимаемы и обучаемы, без всякого различия от других детей, во всех российских народных училищах, гимназиях и университетах», а во-вторых, «никто из детей еврейских, быв в училище во время его воспитания, не должен быть ни под каким видом отвлекаем от своей религии, ни принуждаем учиться тому, что ей противно и даже несогласно с нею быть может» [10, стб. 28].

Следует обратить внимание на то, что инициатива в области расширения предметов духовного образования и типов общеобразовательных школ, им охваченных,

в начале XIX в., как и во времена Екатерины II, исходила прежде всего от светских властей и светских деятелей просвещения. Церковь и ее служители, в свою очередь, откликнулись на запросы общества и государства в деле школьного строительства. Конкретные формы, в которые выливалось религиозное образование, определялись тем социальным и политическим уровнем развития, на котором находилось тогда русское общество.

В целом же в царствование Александра I произошли серьезные изменения в преподавании предметов духовно-религиозного содержания в общеобразовательной школе России, важнейшие из которых заключались в следующем:

1) введение данных предметов в курс средних общеобразовательных и специальных школ: гимназий, лицеев, коммерческих училищ и т. п.;

2) привлечение священников в школы всех уровней в качестве законоучителей, а в элементарную (приходскую) школу – также для заведования и ведения общеобразовательных предметов.

Вышеперечисленные меры стимулировали привлечение священников в учебные заведения в качестве законоучителей, повышению их авторитета и значимости их предмета в учебных заведениях. Происшедшие перемены содействовали сближению усилий государства и церкви в школьном деле. Однако они же поставили перед правительством, ведомством народного просвещения и церковным начальством серьезные проблемы, которые не удалось решить сразу в силу объективных и субъективных причин. Дело дальнейшего развития духовного образования в светской школе досталось по наследству деятелям следующего царствования, но эта тема требует специального исследования.

Библиографический список

1. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 965.
2. НАРТ. Ф. 977. Оп. Училищный комитет. Д. 4а.
3. НАРТ. Ф. 977. Оп. Училищный комитет. Д. 41.
4. НАРТ. Ф. 977. Оп. Училищный комитет. Д. 70.
5. Артамонова Л.М. Политика в сфере народного просвещения в Поволжье (XVIII – первая половина XIX в.) // Российская история. 2013. № 2.
6. Описание дел архива Министерства народного просвещения. Пг., 1917. Т. 1.
7. Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. Т. 1. СПб., 1912.
8. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. I. 1802–1825.
9. Дополнение к Сборнику постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1867. Т. I. 1803–1864.
10. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб., 1866. Т. I. 1802–1834.
11. Смирнов Ю.Н. Органы власти и местного самоуправления в Самаре с XVIII столетия до получения ею статуса губернского города в середине XIX века // Самара: от прошлого к настоящему: сб. статей. Самара, 2007.
12. Толстой Д.А. Городские училища в царствование Екатерины II // Сборник отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1886. Т. XLI. № 2.
13. Устав народным училищам Российской империи, уложенный в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1786.

*L.M. Artamonova****GOD'S LAW IN SCHOOLS OF RUSSIA
AND VOLGA REGION DURING ALEXANDER I**

The extension of participation of clergymen in school education, measures for extension and providing teaching of subjects of religious matter in schools at the beginning of the XIX century are analyzed in the article.

Key words: Russia in the first quarter of the XIX century, history of culture, popular schooling, Kazan educational district, Russian Orthodox Church, religious training of school children.

---

* *Artamonova Lyudmila Mihailovna* (artamonovoi@mail.ru), the Dept. of Native History, Samara State Academy of Culture and Arts, Samara, 443010, Russian Federation.